

I.

РОССІЯ ВЪ БОРЬБѢ СЕРБІИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ СЪ 1806 ПО 1812 ГОДЪ.

(Окончаніе) (4).

II.

1809—1812 годы.

Внутренніе раздоры партій въ Сербіи постоянно усиливались вслѣдствіе увѣренности, что ранѣе марта или апрѣля 1809 года турки не могутъ угрожать странѣ своимъ вторженіемъ. Недовѣріе къ Родофинкину росло все болѣе и болѣе. Его обвиняли, какъ мы видѣли, въ томъ, что онъ, будто бы, не доносилъ князю Прозоровскому о нуждахъ сербскаго народа. Не довѣряя и фельдмаршалу, сербы рѣшились отправить депутацію прямо къ Императору, въ Петербургъ, и обратились къ посредству генераль-лейтенанта Милорадовича.

21-го декабря 1808 года въ Бухарестъ прибыли сербскіе депутаты: Павелъ Поповичъ, домашній учитель сына Чернаго-Георгія, Иванъ Юговичъ, и писарь его, Янисій Дмитріевичъ, съ письмомъ Чернаго-Георгія, отъ 8-го декабря, въ которомъ онъ просилъ генерала Милорадовича отправить этихъ депутатовъ прямо въ Петербургъ къ Императору. Въ-сто того ихъ отправили къ князю Прозоровскому.

Въ Сербіи произошли въ это время не маловажныя событія. «Лег-

(4) См. «Военный Сборникъ», № 11-й, 1885 г.
Т. СЕХVII. Отд. I.

ковѣрный Черный-Георгій, доносилъ Родофиникинъ князю Прозоровскому. отъ 18-го декабря 1808 года, поддался на всѣ внушенія ищущихъ его гибели». Чтобы сильнѣе дѣйствовать на Чернаго-Георгія, Младенъ и Милое убѣждали его, что и Родофиникинъ, и самъ фельдмаршалъ Прозоровскій *продаютъ* Сербію туркамъ для того, чтобы выгодыѣ заключить съ ними миръ. Родофиникина подозрѣвали въ козняхъ противъ Сербіи, перехватывали, когда могли, его бумаги, такъ что онъ *долженъ былъ сжечь копии со всѣхъ своихъ донесеній князю Прозоровскому*. При свиданіи съ Чернымъ-Георгіемъ Родофиникинъ старался разсѣять всѣ его опасенія и сказалъ при этомъ: «Продать сербовъ никто не можетъ, да и никто съ ума не сошелъ, чтобы купить ихъ отъ частнаго человѣка, ибо безъ воли Высочайшихъ дворовъ, російскаго и французскаго, никто не можетъ ихъ взять, даже еслибы и сами сербы хотѣли предаться кому-либо». Не считая свою жизнь безопасно въ Бѣлградѣ, Родофиникинъ просилъ позволенія отправиться въ Краіовъ, а до того времени переѣхалъ въ Землинъ.

По поводу этихъ событій въ Сербіи князь Прозоровскій писалъ графу Румянцеву (1): «Съ крайнимъ соболѣзнованіемъ вижу я, что народъ сербскій, истинно, всѣмъ сердцемъ и всею душою преданный Россіи, управляется начальниками, не имѣющими ни тѣни просвѣщенія или благоправія, но обрѣтающими всегдашнюю пищу свою въ звѣрствѣ и безчеловѣчии. Черный-Георгій, по слабоумію своему, увлекается въ таковыя поступки хитрыми изворотами сущихъ его непріятелей». Далѣе князь Прозоровскій высказываетъ мысль, что такъ какъ сербы «мало достойны» нашего покровительства, то не лучше-ли предоставить ихъ собственной участи?

11-го января 1809 года сербскіе депутаты прибыли изъ Бухареста въ Ясы и 13-го числа были приняты княземъ Прозоровскимъ, который, прежде всего, сказалъ, что не считаетъ даже возможнымъ говорить о возстановленіи всей древней Сербіи; послѣ чего послѣдовалъ слѣдующій разговоръ его съ Юговичемъ:

— Возстановить Царство Сербское никогда не входило и въ мысль нашу и Чернаго-Георгія, сказалъ Юговичъ.

— Государь Императоръ, отвѣчалъ Прозоровскій, не можетъ взять Сербію въ подданство, такъ какъ на правомъ берегу Дуная не хочетъ онъ брать себѣ владѣній турецкихъ; да и державы французская и австрійская на сіе не согласятся. Судите сами: чтобы требовать отъ Россіи со всѣми воевать и всѣмъ жертвовать для возстановленія особой державы сербовъ, вся-

(1) Архивъ мѣн. иностр. дѣлъ. Progorovsky. 1809 г., № 87.

кому здоровому разсудку сіе противно. Если по единому закону между нами заключать, то надобно бы Государю Императору взять въ подданство отъ р. Дуная всё христіанскія земли, и Морею, и Архипелагъ; но сіе исполнить было бы совершенно невозможно, въ разсужденіи прочихъ державъ. Можно ли вамъ воображать, столь маленькой землѣ, быть особою державою, имѣя съ одной стороны Турцію, а съ другой Австрію. Хотите-ли вы быть австрійскими подданными?

— Нѣтъ, рѣшительно сказалъ Юговичъ.

— Такъ и нужно быть вамъ подданными Турціи; но такъ какъ Порта вамъ обѣщала поставитъ правленіе Сербіи по желанію вашему...

— Турки не сдержатъ слова, и откроется опять война.

Спустя нѣсколько дней, Юговичъ заявилъ, что сущность данныхъ ему инструкцій состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Сербіи требуетъ непремѣнно *совершенной и безусловной независимости* отъ Турціи. 2) Опредѣлитъ настоящія границы Сербіи. 3) Если Турція на это не согласится, то Россія отъ себя и другихъ сосѣднихъ державъ должна дать гарантію въ самостоятельности Сербіи. 4) Если Россія заключитъ миръ съ Турціей и послѣдняя не отречется отъ своихъ правъ на Сербію, «тогда предоставляется сербамъ на волю вновь начать войну противъ турокъ». 5) Сербы обѣщаютъ не заключать съ турками мира безъ вліянія Россіи.

Секретный пунктъ: Сербія обѣщаетъ сохранять всегдашній союзъ съ Россіей и содѣйствовать ей противъ всякаго непріятеля ⁽¹⁾.

Князь Прозоровскій сказалъ Юговичу, что въ настоящее время не можетъ быть даже и рѣчи о полной независимости Сербіи.

Понятно, что Сербія не могла разсчитывать на успѣхъ войны съ Турціей безъ содѣйствія Россіи, которой, такимъ образомъ, снова пришлось бы начинать войну, ради самостоятельности Сербіи, еслибы Турція не рѣшилась дать этой самостоятельности при заключеніи мира. Поэтому, «еслибы сербы не довольны были постановленіями въ разсужденіи ихъ и начнутъ вновь войну съ турками, то Россія—писалъ князь Прозоровскій ⁽²⁾—уже не будетъ болѣе соучаствовать въ дальнѣйшихъ ихъ военныхъ дѣйствіяхъ, о чемъ и слѣдуетъ упомянуть секретною статьею къ мирному трактату».

Вслѣдствіе переговоровъ съ сербскими депутатами, какъ доносилъ Родофиникинъ 17-го января 1809 года, «умы мало по малу утихаютъ и начинаютъ чувствовать глупость дѣяній своихъ».

⁽¹⁾ Proserovsky. 1809, № 114. D. Архивъ мѣн. иностр. дѣлъ.

⁽²⁾ Тамъ же.

А Черный-Георгій писалъ Родофиникину, отъ 23-го января 1809 г.: «Я васъ увѣряю и клянусь всѣмъ, и Богомъ, и самимъ Творцомъ, что народъ сербскій теперь возбудился и повинуется повелѣнιάмъ, что бы имъ приказано ни было».

Цѣль пріѣзда Юговича и сопровождавшихъ его депутатовъ, главнымъ образомъ, заключалась въ томъ, чтобы выяснить дѣйствительныя намѣренія Россіи относительно устройства судьбы сербовъ. Намѣренія русскаго правительства были самыя безкорыстныя и не согласовались со взглядами князя Прозоровскаго, не допускавшаго даже и мысли о возможности независимости Сербіи. Графъ Салтыковъ писалъ ему, отъ 1-го февраля 1809 года: «Россія, не мѣшаясь непосредственно во внутренній распорядокъ Сербіи и отрекаясь отъ власти ей несвойственной и даже тягостной, будетъ довольствоваться тою ея властью, каковая добровольно пріобрѣтается оказательствомъ помощи, покровительства, взаимною довѣренностью и признательностью сербовъ къ Россіи. Тогда сербы не по одной только наружности, но дѣйствительно, будутъ независимы и при случаѣ могутъ быть намъ полезны. Независимость Сербіи есть безпрекословно важнѣйшая нужда» (1).

Вскорѣ графъ Румянцевъ писалъ Прозоровскому, отъ 9-го (21-го) февраля 1809 года: «Чтобы права Сербіи утверждены были одною только нашею гарантіею и чтобы никакая другая держава ни подъ какимъ предлогомъ въ дѣла ея не имѣла права мѣшаться».

Съ своей же стороны, заканчивая разговоръ съ Юговичемъ, Прозоровскій сказалъ: «Сербы, конечно, не могутъ требовать отъ Россіи, чтобы она предпочла пользы столь малой земли, какова Сербія, пользамъ пространной Россійской Имперіи, или, чтобы она, жертвуя собою, вела за Сербію войну со всѣми прочими государствами. Да и самъ Государь Императоръ не можетъ, для угожденія сербамъ, упустить изъ вида блага собственныхъ своихъ подданныхъ» (2).

Князь Прозоровскій смотрѣлъ на дѣло съ точки зрѣнія главнокомандующаго русскихъ войскъ и потому не могъ отнестись иначе къ вопросу о независимости Сербіи, такъ какъ это должно было послужить новымъ пренятствіемъ къ заключенію столь необходимаго для насъ мира съ Турціей.

Въ письмѣ къ графу Салтыкову, отъ 23-го февраля 1809 года, онъ писалъ по этому поводу: «Жертва Порты уступкою намъ границы по Дунай для нея уже такъ велика сама собою, что на совершенную

(1) Архивъ мин. иностр. дѣлъ. Prozorovsky. 1809.

(2) Архивъ мин. иностр. дѣлъ. Prozorovsky. 1809, № 122. А.

потерю еще, сверхъ того, и Сербіи она, естественно, никакъ согласиться не можетъ. Сверхъ того, никакому сомнѣнію не подвержено, что и сама Франція основаніемъ сербскаго царства не была бы довольна, особливо при оставленіи онаго подъ покровительствомъ Россіи, и простерла бы претензію свою за нарушеніе, такимъ образомъ, цѣлости владѣній турецкихъ на правой сторонѣ Дуная, Франціею гарантированныхъ». Далѣе выражается мысль, что, съ образованіемъ сербскаго царства, Россія принуждена была бы отказаться отъ покровительства Сербіи, «что лишило бы уже навсегда столь полезнаго для нея вліянія своего надъ христіанскими народами Порты» (1).

Послѣдствіемъ переговоровъ съ Юговичемъ было то, что въ проектѣ предварительныхъ мирныхъ условій съ турецкими уполномоченными, ожидаемыми въ Ясы, статья о Сербіи получила определенное значеніе. Для присутствія на этомъ конгрессѣ сербы послали въ Ясы своихъ лучшихъ людей, то были: порѣчскій комендантъ Миленко Стойковичъ и Миланъ Обреновичъ, а также князь Сима.

24-го февраля прибыли въ Ясы турецкіе уполномоченные, а 25-го Миленко и другіе сербскіе депутаты. 1-го марта сербская депутация представила князю Прозоровскому письмо народнаго совѣта, съ цѣлью выяснитъ письменно отношенія Россіи къ Сербіи. Снова былъ поднятъ вопросъ о сербской независимости.

Въ отвѣтѣ своемъ сербскому совѣту, отъ 7-го марта, князь Прозоровскій повторилъ сущность всего того, что уже прежде было имъ сказано депутату Юговичу, называя высказанныя имъ претензіи «проектами, сочиненными развѣ одною частью поглаварей, совершенно подобными сновидѣнію. Настоящая скрытая цѣль всѣхъ вышеописанныхъ предположеній состоитъ лишь въ томъ, чтобы истребить и уничтожить вовсе турецкое правительство въ Европѣ и возстановитъ древнюю греческую имперію. Я васъ на первомъ шагу вонросилъ бы, кто долженъ быть императоромъ сей возстановленной имперіи? Или же проектиеры сербскіе кого-либо къ тому назначать?»

Въ томъ же духѣ князь Прозоровскій писалъ и Черному-Георгію, отъ 7-го марта, приглашая его принять всѣ мѣры къ возобновленію военныхъ дѣйствій, такъ какъ на успѣхъ переговоровъ разсчитывать было нельзя. Но, пока не наступило еще время открыть кампанію, онъ просилъ сербскаго вождя «ни къ какимъ непріятельскимъ дѣйствіямъ противъ турокъ не приступать».

Въ Сербію для военныхъ приготовленій было отправлено еще 30,000

(1) Prosovsky. 1809, № 87—168. Архивъ мин. иностр. дѣлъ.

піастровъ и болѣе 1,000 ружей, сверхъ отправленныхъ уже туда 5,000. Въ то же время на случай необходимости замѣнить Родофинкина, жаловавшагося на нездоровье, отправленъ былъ къ нему помощникомъ надворный совѣтникъ Недоба. Въ сношеніяхъ его съ Чернымъ-Георгіемъ Недоба долженъ былъ разсѣять высказываемыя въ Сербіи сомнѣнія на счетъ Россіи, которая по Тильзитскому трактату будто-бы отказалась отъ всѣхъ своихъ союзниковъ, которымъ обѣщала свою помощь. Касательно мечтанія сербскихъ прожектеровъ о возстановленіи греческаго царства, Недоба долженъ былъ сказать Черному-Георгію, что для Россіи конечно было бы важно имѣть Босфоръ и Дарданелы. «Но, — сказано въ инструкціи, данной Недобѣ, — таковыя объясненія можете вы ему давать токмо словесно, а письменно ни подъ какимъ видомъ не сообщайте, дабы оно не могло быть предъявлено актомъ».

Въ то время, когда князь Прозоровскій доказывалъ сербамъ невозможность полнаго ихъ отложенія отъ Турціи, турецкое правительство, зная о дѣятельныхъ переговорахъ, начавшихся съ начала 1809 года между Сербіей и русскимъ главнокомандующимъ, но находясь въ неизвѣстности относительно сущности этихъ переговоровъ, рѣшилось сдѣлать новую попытку вступить съ сербами въ соглашеніе. Въ концѣ февраля нишскій паша вошелъ въ сношеніе съ Чернымъ-Георгіемъ, предлагая примириться съ турками, обѣщая ему, что Порта признаетъ его верховнымъ княземъ Сербіи и установить ея границы. «Лучше имѣть одного хозяина въ Сербіи, нежели двухъ», сказано въ письмѣ. Но Черный-Георгію отвѣчалъ на это, что предложенія Турціи отправлены въ Ясы, къ русскому фельдмаршалу, и «то, что будетъ тамъ заключено, сербы не преминутъ принять за свято».

Категорическій отвѣтъ, данный княземъ Прозоровскимъ Юговичу, а также письма къ Черному-Георгію и совѣту сербскому, произвели, однако, отрезвляющее дѣйствіе. 30-го марта Родофинкинъ писалъ князю Прозоровскому: «Отзывъ сербскимъ депутатамъ 7-го числа сего мѣсяца, данный вашимъ сіятельствомъ, произвелъ здѣсь чудотворное, во истину, дѣйствіе. Посрамленные возмутители умовъ здѣшнихъ старались еще изліять ядъ свой, но все еще тщетно: всѣ умыслы ихъ ниспровергнуты».

Тѣмъ не менѣе, Черный-Георгію, отвѣчая 1-го апрѣля князю Прозоровскому на письмо его отъ 7-го марта, возражаетъ противъ предположенія, что сдѣланное Юговичемъ требованіе сербской независимости есть дѣло одной лишь партіи. «Имѣю честь донести вашему сіятельству, что все, что ни подносили депутаты наши, дѣлано было по общему согласію народа, почему, если что не согласно было съ мнѣніемъ вашего

сіятельства, прошу милостивѣйше извинить намъ. Изъ письма вашего я узналъ, что Порты Отоманская объявила Россіи войну. Сіе объявленіе Порты мы приедемъ за милость Божію, ибо болѣе можемъ доказать истинную любовь нашу и приверженность къ единовѣрной и единоплеменной намъ Россіи».

Хотя военныхъ дѣйствій противъ турокъ князь Прозоровскій еще не начиналъ, но война была неизбежна, и приходилось серьезно подумать о сербахъ, чтобы они не примирились съ Портой, начавшей уже съ ними переговоры. Графъ Румянцевъ писалъ по этому поводу князю Прозоровскому, отъ 10-го апрѣля 1809 года, что, замѣчая въ сербахъ нѣкоторую *остуду* къ Россіи и зная объ интригахъ Австріи, съ цѣлью привлечь сербовъ на свою сторону, онъ объясняетъ это тѣмъ, что князь Прозоровскій заявилъ сербскимъ депутатамъ о невозможности теперь же выговорить для Сербіи независимость отъ Порты. Поэтому графъ Румянцевъ указывалъ на необходимость «обнадеживать сербовъ, что когда мирныя негодіи опять откроются, то цѣлью попеченій вашихъ (князя Прозоровскаго) будетъ то, чтобы освободить Сербію *единожды навсегда* отъ всякой зависимости отъ Порты и присвоить ей право, подъ покровительство и съ утверженія Россіи, учредить конституцію свою по собственному распоряженію» (1).

Вслѣдствіе этого князь Прозоровскій, письмомъ отъ 30-го апрѣля 1809 года, увѣдомлялъ Чернаго-Георгія, «что Его Императорское Величество, будучи объемлемъ безмѣрнымъ негодованіемъ противъ Порты Отоманской, мнѣ Высочайше повелѣтъ соизволилъ обнадежить сербскій народъ, что когда мирныя переговоры опять откроются, то цѣлью попеченій моихъ по Высочайшей Его волѣ быть имѣетъ освобожденіе Сербіи *единожды навсегда* отъ всякой зависимости отъ Порты Отоманской и присвоеніе Сербіи права, подъ покровительство и съ утверженія Его Величества Государя Императора Всероссийскаго, учредить конституцію свою по собственному распоряженію» (2).

Отъ того же числа писалъ онъ графу Румянцеву: «Нація сербская вся и отъ всей души привержена къ Россіи, какъ по единоплеменію, такъ и по единозаконію, и если кто-либо изъ сербовъ входитъ въ переговоры съ австрійцами, то конечно только нѣкоторые изъ старѣйшинъ, кои приступаютъ къ тому изъ какихъ-либо личныхъ видовъ корысти, или же дабы минутно воспользоваться пособіями Австріи, но въ твердомъ предположеніи никогда не подчинять себя владычеству Австріи.

(1) Prozorovsky. 1809 г., 10-го апрѣля. Архивъ мин. иностр. дѣлъ.

(2) Prozorovsky. 1809 г., № 163. Архивъ мин. иностр. дѣлъ.

Отвращеніе сербовъ къ австрійскому правительству столь велико, что они никогда не выпускаютъ изъ вида, при удобномъ *случае*, взбунтовать австрійскихъ сербовъ».

Неудачная попытка турецкаго правительства вступить съ сербами въ переговоры чрезъ нишскаго пашу и данный ему сербами отвѣтъ заставили Порту отказаться отъ надежды обезоружить Сербію и предпочесть рѣшительныя противъ нея дѣйствія. Чрезвычайный разливъ Дуная и медленность престарѣлаго главнокомандующаго служили залогомъ того, что русская армія еще не скоро можетъ перейти Дунай. Этимъ обстоятельствомъ верховный визирь и намѣренъ былъ воспользоваться, чтобы разгромить Сербію, пока русскіе не отвлекутъ его главныхъ силъ къ Среднему и Нижнему Дунаю.

Съ своей стороны, Черный-Георгій, получивъ официальное заявленіе князя Прозоровскаго, что Императоръ Александръ намѣренъ требовать полной независимости Сербіи, и рассчитывая поэтому на помощь русскихъ войскъ, рѣшился дѣйствовать наступательно противъ турокъ и соединиться съ черногорцами, а также съ христіанскими жителями Боснии, о союзѣ съ которыми говорилъ Юговичъ.

Князь Прозоровскій не вѣрилъ въ возможность этого союза и потому совѣтовалъ сербамъ не начинать наступленія, а ограничиться *строго оборонительными* дѣйствіями, пока русская армія не перейдетъ Дунай.

Не смотря на это, Черный-Георгій рѣшился наступать на западъ, югъ и востокъ, т. е. со всѣхъ сторонъ, кромѣ Дуная, въ сторону котораго наступать было некуда.

Не вдаваясь здѣсь въ подробности описанія дѣйствій сербовъ противъ турокъ, скажемъ только, что съ самаго начала кампаніи 1809 г. сербы были разбиты на всѣхъ пунктахъ. Они просили князя Прозоровскаго оказать имъ помощь отрядомъ Исаева 1-го. «Одно появленіе русскихъ въ Сербіи наведетъ страхъ на турокъ и спасетъ насъ», писалъ Черный-Георгій.

Еще одновременно съ приступомъ къ Журжѣ, отрядъ Исаева 1-го получилъ въ мартѣ приказаніе двинуться изъ Краіова къ Видину, овладѣть лежащимъ выше него островомъ Кербовомъ и вступить въ связь съ сербами при Кладово. Исаевъ исполнилъ все ему предписанное, но отступленіе Милорадовича отъ Журжи вызвало приказаніе отряду Исаева возвратиться къ Краіову. Когда же въ апрѣлѣ князь Прозоровскій приступилъ къ Браилову, то Исаевъ просилъ о дозволеніи перейти Дунай и соединиться съ сербами. «Я намѣренія его не охулилъ, — писалъ по этому поводу князь Прозоровскій Эсену 1-му, отъ 29-го апрѣля, — но

сказаль, что теперъ сіе предпріятіе было бы вредно. Когда же откроется надобность, въ то время дамъ повелѣніе».

Но время проходило, а ожидаемое повелѣніе не давалось, такъ какъ армія князя Прозоровскаго стояла въ бездѣйствіи у Шербеншти. Когда же въ маѣ мѣсяцѣ сильная турецкая армія вступила въ Сербію, Черный-Георгій снова умоляль о помощи.

Въ донесеніяхъ Исаева о необходимости поддержать сербовъ князь Прозоровскій видѣль только «пронски самого генерала Исаева». Когда же сербы отступили отъ Ниша и пришли въ совершенное разстройство, то князь Прозоровскій, въ письмѣ къ графу Румянцеву, отъ 29-го мая, приписываль это «объявшему ихъ паническому страху». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвѣчалъ Черному-Георгію, что: «Русская флотилія стоитъ у Галаца и не можетъ подняться по Дунаю, мимо занятыхъ турками крѣпостей Браилова, Силистріи, Рущука, Журжи, Никополя и Видина, и потому Исаеву, съ артилеріею и конницею, безъ флотиліи, на рыбацкихъ лодкахъ переправиться нельзя. Совѣтую вамъ взять терпѣніе, до перехода русской арміи черезъ Дунай».

Но сербы ожидали не совѣта, а дѣйствія. Когда еще русскіе перейдутъ Дунай—было неизвѣстно, а между тѣмъ турки уже распространились въ странѣ, предають ее опустошенію и заняли въ ней многіе важные пункты. Жалобы сербовъ на русскихъ были понятны.

«Я былъ бы преступникомъ,—писаль по этому поводу князь Прозоровскій Родофиникину,—еслибы рѣшился послать какихъ нибудь 5,000 съ Исаевымъ за Дунай; это значило бы обречь ихъ на гибель. Если же назначить для того 25,000 или 30,000, то они могли бы развѣ на рыбацкихъ лодкахъ переправиться черезъ Дунай, для чего потребовалось бы не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Сербы разбиты, потому что рѣшились начать наступательныя дѣйствія. До перехода нашей арміи за Дунай они должны ограничиться строго оборонительными дѣйствіями».

Положеніе сербовъ было трудное. Черный-Георгій писаль 26-го мая князю Прозоровскому: «Мы непріятельскою арміею со всѣхъ сторонъ, отъ рѣки Савы до Дуная, окружены; въ такомъ пространствѣ намъ защищаться нельзя безъ вашей помощи, которую и просимъ выслать къ Нишу».

Къ Нишу посылать далеко, отвѣчалъ на это князь Прозоровскій, увѣдомляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, что отрядъ русскихъ войскъ будетъ высланъ къ Кладову, далѣе котораго не пойдетъ. «Впрочемъ, я нигдѣ не видѣль, чтобы Государь Императоръ *обѣщаль послать російскія* войска къ сербамъ, а обѣщаль вамъ свое покровительство и *возможную* помощь, что мною и исполнено, да и впредь исполняться будетъ».

Сербы объясняли свое поражение тѣмъ, что они открыли наступленіе, имѣя въ виду будто-бы совершившійся уже переходъ русской арміи черезъ Дунай, и указывали на то, что объ этомъ говорилъ самъ главнокомандующій.

«Кто вождю сербскому о томъ писалъ, того я не знаю, отвѣчалъ на это князь Прозоровскій народному совѣту, отъ 19-го іюня. Я ни въ чемъ не только сербскую, дружественную намъ націю, но и никого въ жизни моей не обманывалъ, что ни мѣсту, ни сану моему, ни довѣренности Государя моего ко мнѣ не приличествуетъ».

Побѣда подъ Нишемъ возвысила духъ турокъ. 23-го мая они, въ числѣ до 1,000 человекъ, переправились черезъ Дунай у Видина и вступили въ Калафать. Одна часть непріятели двинулась къ деревнѣ Пленницѣ, гдѣ стоялъ русскій постъ, и сбила его. Другая направилась по краіовской дорогѣ и окружила у Чароя казачій постъ, стоявшій въ укрѣпленномъ шанцѣ. Казаки защищались отчаянно и увѣдомили Псаева, который выслалъ къ нимъ на помощь, 24-го мая, баталіонъ Орловскаго полка съ орудіями, при подполковникѣ Андріевскомъ. Турки должны были отступить къ Калафату. Ожидая встрѣтиться съ русскими войсками въ Сербіи, турки не рѣшались вступать внутрь страны. Но узнавъ, что русскихъ тамъ нѣтъ, они двинулись далѣе отъ Ниша къ Делиграду. Отрядъ же изъ 10,000, высланный къ Видину, долженъ былъ соединиться съ гарнизономъ этой крѣпости и выбить сербовъ изъ Бирза-Паланки.

Дѣла сербовъ были въ крайне печальномъ положеніи и могли бы принять самый критическій оборотъ, еслибы турки дѣйствовали энергичнѣе. Но турки, вмѣсто того, чтобы наступать со всѣхъ сторонъ и, такъ сказать, затягивать Сербію въ кольцо, боялись за свои сообщенія, и потому, въ ожиданіи прихода русскихъ на помощь сербамъ, ограничивались тѣмъ, что укрѣпляли каждую занятую позицію и оставались на ней неподвижно.

25-го іюня, въ Бѣлградѣ, Черный-Георгій осыпалъ русскаго уполномоченнаго, Недобу, злыми упреками, говоря, что онъ научился теперь цѣнить общанія русскаго фельдмаршала, оставившаго его на произволь судьбы. Родофиникинъ указывалъ на невозможность оказать немедленно помощь русскими войсками, увѣряя, что забота о сербахъ была всегда предметомъ вниманія русскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на неспособность и неблагонадежность двухъ главныхъ вождей арміи, Милое и Младена, этихъ авантюристовъ, которыхъ слѣдуетъ выгнать изъ Сербіи. Черный-Георгій, сознаваясь въ томъ, что подчинился вліянію этихъ лицъ, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ всю силу страны и

думавшихъ только о наживѣ, тѣмъ не менѣе, не рѣшался принять противъ нихъ крутыя мѣры, изъ опасенія затруднить еще болѣе положеніе дѣлъ въ Сербіи. «Сербы, сказалъ Черный-Георгій Недобѣ, жертвуются интересамъ Россіи, и что на дѣлаемые имъ обѣщанія они не должны нисколько полагаться».

Родофиникинъ писалъ князю Прозоровскому по этому поводу, отъ 2-го іюля 1809 года: «Жалобы сего человѣка и примѣчанія для знающихъ, коль далеко простираются его понятія, не должны обращать на себя вниманія, но сожалѣнія. Мы употребили въ дѣйствіе всю возможность для успокоенія его, объяснивъ ему пространно глупость внушеннаго ему опасенія, по случаю тому, что въ полной мочѣ не упоминается (будто-бы) о сербахъ».

Положеніе сербовъ было самое критическое. Къ счастью ихъ, турки, все еще ожидая со дня на день прибытія въ Сербію русскихъ войскъ, дѣйствовали ошупью. Но русская помощь не являлась, а отрядъ Исаева, высланный къ Кладову въ началѣ іюля, не принесъ сербамъ никакой пользы. Только въ іюлѣ князь Прозоровскій рѣшился дозволить Исаеву идти на помощь сербамъ. Причину такого промедленія понять трудно. Сперва князь Прозоровскій боялся пустить Исаева за Дунай, не увѣренный, что Австрія не откроетъ съ этой стороны своихъ дѣйствій противъ русскихъ. Потомъ, когда опасенія насчетъ Австріи уже не существовало, нерѣшительность главнокомандующаго была просто непонятна, тогда какъ сербовъ слѣдовало поддержать еще въ іюнѣ, пока турки не успѣли утвердиться въ странѣ. Къ тому же, даже разсчитывая на вмѣшательство Австріи, отрядъ Исаева за Дунаемъ могъ быть полезенъ, но только слѣдовало его значительно усилить регулярными войсками, а не разсчитывать на пандуровъ, входившихъ въ составъ его отряда. Равнымъ образомъ, разрѣшая Исаеву перейти Дунай, когда турки уже заняли почти всю страну, необходимо было дать ему значительныя силы, тѣмъ болѣе, что время было упущено, и потому вся тяжесть борьбы ложилась на однихъ русскихъ. Наступленія со стороны турокъ на наши главныя силы ожидать въ іюнѣ было нельзя, по невозможности перейти сильно разлившійся Дунай. Уже по этому одному наступленіе оказывалось возможнымъ только въ верхнихъ частяхъ Дуная, именно на высотѣ Видина, гдѣ дѣйствовали сербы и куда направилась большая часть арміи верховнаго визиря. Но князь Прозоровскій пустилъ за Дунай одинъ только слабый отрядъ Исаева и тѣмъ обрекъ его на видимую неудачу.

Отрядъ Исаева состоялъ изъ шести баталіоновъ пѣхоты, двухъ полковъ казачьихъ и 300 пандуровъ. Выступивъ изъ Краіова, онъ на

трехъ легкихъ судахъ переправился 2-го іюля черезъ Дунай, у Гогоша, и соединился съ сербами, которые, въ числѣ до 1,000 человекъ, стояли у Кладова. На лѣвомъ берегу Дуная, противъ самой крѣпости, была устроена батарея на четыре орудія, въ прикрытіе которой оставленъ баталіонъ 6-го егерскаго резервнаго полка. Батарея эта назначалась для покровительства переправѣ, производившейся въ полуторы верстѣ выше ея. Крѣпость Кладово, по образцу почти всѣхъ турецкихъ крѣпостей, состояла изъ крѣпкаго замка, примыкавшаго къ самому Дунаю, и изъ облежавшей его со стороны поля земляной ограды, представлявшей четыре бастіона и одну флешъ, соединенные кургиною; валъ обнесенъ былъ рвомъ. Крѣпость лежитъ на равнинѣ, окруженной съ востока и юга значительными горами, покрытыми лѣсомъ. Ниже крѣпости, въ полуверстѣ отъ нея, находится деревня Гладешти, при впаденіи въ Дунай небольшого ручья, протекающаго въ оврагѣ и проходящаго восточнѣе Кладова. За ручьемъ, еще болѣе къ востоку, находится отдѣльная гора, командующая надъ всею крѣпостью. Эту гору заняли сербы, устроивъ на ней сильный окопъ, горжа котораго закрывалась рогатками. Окопъ этотъ былъ занятъ 1,000 сербовъ при шести орудіяхъ. Впереди этой высоты ближе къ крѣпости сербы насыпали другой рудъ, также на шесть орудій.

Находясь въ такомъ положеніи, сербы производили пальбу по крѣпости и хотя наносили ей значительный вредъ, но не могли разсчитывать на рѣшительные результаты до прибытія отряда Исаева.

Прибывъ къ Кладову, Исаевъ обошелъ вокругъ крѣпости и сталъ на позиціи ниже нея, примыкая правымъ флангомъ къ Дунаю. Въ то же время, занявъ деревню Гладешти, онъ приказалъ насыпать при ней батарею на три орудія. По осмотрѣ крѣпости, Исаевъ, находя ее слабою, рѣшился, не теряя времени на бомбардированіе, идти на приступъ. Отрядъ его, находясь на позиціи у деревни Кастули, былъ расположенъ въ двѣ линіи. На лѣвомъ флангѣ баталіонъ Старооскольскаго мушкетерскаго полка, полковника Турчанинова. Правѣе его—баталіонъ резервнаго Малороссійскаго гренадерскаго полка, полковника Вейса. Далѣе—баталіонъ резервнаго Сибирскаго гренадерскаго полка, полковника Ахта. Еще правѣе—два баталіона Пензенскаго мушкетерскаго полка, полковника Желтухина. Во второй линіи за лѣвымъ флангомъ, 1-й Уральскій, а за правымъ—Исаева 1-го казачьи полки. 300 пандуровъ, полковника Курта, поставлены отдѣльно впереди лѣваго фланга.

Распоряженія Исаева къ атакѣ состояли въ слѣдующемъ. Приступъ назначенъ съ разсвѣтомъ 9-го іюля. По числу четырехъ бастіоновъ крѣпости, для штурма назначались четыре колонны, каждая баталіоннаго

состава. Первая колонна, слѣдуя съ лѣваго фланга, атакуетъ правый бастионъ; вторая и четвертая—другіе два бастиона; третья колонна составляетъ резервъ, а четвертый бастионъ долженъ быть атакованъ баталіономъ 6-го егерскаго полка, по переправѣ его черезъ Дунай. Впереди каждой колонны слѣдуетъ по 30 стрѣльцовъ, а за ними сербы, съ лѣстницами и фашинами.

Первая колонна, атаковавъ назначенный ей бастионъ, вступила на валъ, но скоро была сбита съ него и осталась во рву. Полковникъ Турчаниновъ былъ при этомъ убитъ, а замѣнившій его полковникъ Афанасьевъ раненъ.

Вторая колонна также овладѣла своимъ бастиономъ и держалась на немъ четверть часа, прося подкрѣпленія. Исаевъ выслалъ на помощь ей ландуровъ, которые, не дойдя до крѣпостнаго вала, разбѣжались. Тогда былъ двинутъ для поддержанія второй колонны резервъ, который, вмѣсто того, дойдя до сербскаго редута, остановился въ немъ, видя, что вторая колонна уже сбита съ бастиона и засѣла во рву.

Четвертая колонна, отправившаяся на указанный ей бастионъ, видя неудачу вправо и влѣво отъ себя, не могла даже вступить на валъ. Равнымъ образомъ и колонна 6-го егерскаго полка, переплывшая Дунай и бросившаяся на замокъ, была также отбита.

«Видя вездѣ неуспѣхъ, доносилъ Исаевъ, и не имѣя никакихъ способвъ поправить дѣло, болѣе потому, что, войдя въ ровъ, войска разсыпались по немъ, я принужденъ былъ велѣть бить сборъ и защищать выходъ изъ рва артилерією. Потеря наша состояла изъ 335 человекъ убитыми и 603 ранеными» (1).

Снова повторились причины неудавшихся приступовъ отъ недостаточнаго дѣйствія артилерійскаго огня и недостатка штурмовыхъ лѣстницъ. Сербы, назначенные для несенія лѣстницъ, частью разбѣжались, частью растеряли ихъ.

Къ довершенію неудачъ, дѣла сербовъ на Моравѣ съ каждымъ днемъ становились все хуже и хуже. Благодаря Младену, была потеряна Бана; благодаря Милое, былъ вскорѣ потерянъ и Делиградъ, этотъ важнѣйшій оплотъ Сербіи на востокѣ. Сербскій вождь умолялъ о присылкѣ «откуда нибудь къ намъ помощи, ибо сильный гадъ навалилъ на насъ».

Турки могли перейти Мораву въ любомъ пунктѣ, такъ что въ концѣ іюля они стали уже показываться на лѣвомъ берегу рѣки. Черный-Георгій дѣятельно стягивалъ войска, призывая къ оружію «всѣхъ безъ

(1) Довесеніе Исаева, отъ 10-го іюля 1809 г., Милорадовичу. Военно-уч. арх.

изъятія» отъ 12-ти до 70-ти-лѣтняго возраста, чтобы не дозволить туркамъ переходить на лѣвый берегъ Моравы.

Къ 1-му августа турки, пришедшіе изъ Албаніи, вмѣстѣ съ находившимся въ Сербіи, составили подъ Делиградомъ армію не менѣе 50,000 человекъ. Со стороны же Дрины и на границахъ Албаніи и Македоніи турки ничего не предпринимали. Но и Черный-Георгій руководимый коварными совѣтами Младена и Милое, также не предпринимать ничего рѣшительнаго. «Могу положительно сказать,—писалъ Родофиникинъ князю Прозоровскому 1-го августа,—что доколѣ сии люди (Младенъ и Милое) будутъ оставаться въ Сербіи, не бывать добру. Время докажетъ, koliko основательны мои предсказанія. Труды наши и знатныя издержки будутъ тщетны. Сии люди измѣнять не только намъ, но и самому Богу, если увидятъ изъ того или денежную пользу, или вѣщнее утвержденіе своего владычества. Ваше сіятельство усмотрѣтъ изволили легкоуміе верховнаго вождя—сегодня противъ Младена, а завтра за него. Здѣсь, въ присутствіи г. Недобы и другихъ, жаловался на Младена и Милое, потомъ поѣхалъ къ войску: кого оставилъ главнымъ начальникомъ надъ всѣми?—Младена. Они влекутъ Сербію къ погибели, ибо самъ Миленко ко мнѣ пишетъ, что баньское дѣло, по его мнѣнію, было умышенное отъ Младена».

Милое и Младенъ находились въ Любошѣ, разсчитывая на то, что храбрый и опытнѣйшій изъ сербовъ, Миленко Стойковичъ, не отдастъ туркамъ шанца, охраняющаго единственное сообщеніе съ Делиградомъ. Другой доблестный боецъ, Петръ Добрынецъ, истощивъ всѣ запасы, все еще продолжалъ защищаться въ Делиградѣ и геройскимъ духомъ воодушевлялъ другихъ, увѣряя ихъ въ скоромъ прибытіи самого Черно-Георгія на освобожденіе Делиграда. Добрынецъ не обманывалъ. Черный-Георгій, дѣйствительно, выступилъ изъ Чуприи къ Делиграду 31-го іюня, но слѣдовалъ къ этой крѣпости не ближайшею дорогою по правому берегу Моравы, а направился по лѣвому берегу этой рѣки, кружнымъ путемъ, на Крушевацъ, куда и прибылъ 2-го августа.—Направленіе это было принято по совѣтамъ Младена и Милое, находившимся въ Любошѣ, на лѣвомъ берегу Моравы, и потому, всего болѣе опасавшихся за свою безопасность.

Петръ Добрынецъ, чтобы условиться о наилучшемъ способѣ соединенія съ Чернымъ-Георгіемъ, стоявшимъ 3-го августа уже всего въ четырехъ часахъ пути отъ Делиграда, у Ясика, просилъ Младена прислать кого нибудь замѣнить его, на два часа, такъ какъ онъ хотѣлъ видѣться съ Чернымъ-Георгіемъ. Младенъ послалъ въ Делиградъ своего алго его, Милое; Добрынецъ и Миленко согласились въ Любошѣ по-

ждать прибытія изъ Ясика Чернаго-Георгія и, соединенными силами, произвести общую атаку на турокъ, окружавшихъ Делиградъ. На случай-же неудачи, чтобы не потерять пушекъ, бывшихъ въ Делиградѣ и Любошѣ, предполагалось, за нѣсколько дней до боя, отправить ихъ въ Чупрію, гдѣ и образовать новый оборонительный пунктъ. Но Младенъ, бывшій на этомъ совѣщаніи, былъ противъ отправленія пушекъ и сказалъ при этомъ: «Если пушки отсюда пошлете, я закричу туркамъ и скажу, что вы бѣжите, и если пушки въ Делиградѣ пропадутъ, пусть и ваши все пропадаютъ».

Между тѣмъ Милое, прибывшій въ Делиградъ, будто имѣлъ въ виду—«подарить туркамъ и городъ, и пушки».

Дѣйствительно, едва увидѣлъ онъ ровъ, который, еще въ началѣ осады турки начали рыть, какъ оказалось, съ цѣлью пересѣчь городу водопроводъ,—какъ тотчасъ-же ускакалъ по дорогѣ въ Чупрію «не сказавъ никому и прощай», полагая, что турки готовятся подвести подъ городъ мину. Оставшись безъ руководителя, гарнизонъ Делиграда на правился, въ полномъ безпорядкѣ, частью къ Любошу, а другая часть отступила къ Чупрію.

«Все старѣйшины взволновались противъ Младена. Миленко, обнаживъ свою саблю, бросился на него съ яростью, но воевода Чарапичъ удержалъ его, представляя, что лучше выждать Чернаго-Георгія, дабы всемъ вообще разсмотрѣть преступленія Младена и Милое»—донеслъ Родофиникинъ. Получивъ отъ шпионовъ увѣдомленіе о томъ, что сербы оставили Делиградъ, турки, въ числѣ до 7000 чел., вступили въ него, съ разсвѣтомъ 4-го августа, предавъ смерти 200 броненныхъ тамъ раненыхъ, и продолжали настойчиво преслѣдовать бѣгущихъ къ Чупрію, никѣмъ неруководимыхъ сербовъ.

Узнавъ объ отступленіи гарнизона Делиграда къ Чупрію, отрядъ Миленко отправился туда же изъ Любоша.—Между тѣмъ Милое, прибывъ въ Чупрію, не думая ни о какомъ сопротивленіи, приказалъ зажечь городъ со всехъ сторонъ и ушелъ къ Тополу. Тогда турки, видя бесполезность дальнѣйшаго преслѣдованія Милое, обратились назадъ, чтобы выбить отрядъ Миленко изъ шанца при Любошѣ. Найдя-же его пустымъ, они двинулись вслѣдъ за выступившимъ изъ Любоша къ Тополу Миленко и нагнали его въ горахъ на лѣвомъ берегу Моравы, причемъ отбили три пушки. Къ несчастью, лошадь Миленко, испугавшись, унесла его въ поле. Отступавшій отрядъ остался безъ начальника (1) и остановился въ Рисинѣ, въ числѣ до 3000 чел.; турки

(1) Еремія Геличъ сербекому митрополиту Леонтію, 5-го августа 1809 г. Progorovsky, 1809 г. къ № 261. Архивъ мин. иностр. дѣлъ.

окружили этотъ отрядъ, потерявшій пушки. Весь день 5-го августа длился подъ Рисиною сильный бой. Черный-Георгій спѣшилъ изъ Ясика на помощь окруженнымъ и освободилъ ихъ. Вообще, изъ 30-ти пушекъ, которыя сербы имѣли въ Делиградѣ и Любошѣ, остались только 8; остальные 22 пришлось или потерять, или зарыть въ землю.

Между тѣмъ Миленко, котораго считали погибшимъ, прибылъ въ Топогъ; Черный-Георгій послалъ его вмѣстѣ съ Петромъ Добрынецомъ спасать Чупрію, куда снова направились турки 7-го августа. Черный-Георгій двинулся туда-же, внизъ по лѣвому берегу Моравы.

Въ полдень, того-же числа, Черный-Георгій, къ которому присоединился у Ясика 5000-ный отрядъ коменданта Милана, прибывшій отъ границъ Албаніи, стоялъ уже противъ Чуприі, отъ которой его отдѣляла только Морава. Чупрію защищали воевода Юкичъ и капитанъ Радичъ, стоявшіе въ двухъ укрѣпленныхъ шанцахъ.

7-го августа, видя, что турки проходятъ мимо обоихъ шанцевъ и направляются внутрь страны, оба коменданта, боясь быть отрѣзанными и не зная, что помощь такъ близка, не рѣшились оставаться болѣе въ Чуприі и распустили свои войска по селеніямъ. Радичъ едва успѣлъ утопить въ Моравѣ пушки, а Юкичъ срылъ оба сербскіе шанца. Увидавъ Юкича, Черный-Георгій выстрѣлилъ въ него изъ пистолета.

Черный-Георгій не могъ спасти Чуприі. Морава здѣсь была глубока и перейти ее вбродъ было невысказимо, а, между тѣмъ, паромъ, дававшій единственное средство къ переправѣ, спущенъ былъ Радичемъ внизъ по рѣкѣ. Пока Черный-Георгій готовился устроить переправу, чтобы вступить въ Чупрію, турки уже заняли городъ и выставили на стѣнахъ крѣпости свои пушки.

Такимъ образомъ оба берега Моравы были во власти турокъ. Дорога къ Бѣлграду была открыта. Черный-Георгій, для прикрытія своей столицы, стянулъ остатки своей, большею частью, разбѣжавшейся арміи, къ Батогину, гдѣ у него, впрочемъ, было не болѣе 300 чел.

Паника дѣйствительно распространилась по всей Сербіи. Всѣ, кто только могъ, искали спасенія въ предѣлахъ Австріи. Виновики этой паники, все тѣ же Младенъ и Милое, во всемъ обвиняли русскихъ, такъ что и Черный-Георгій «публично приписывалъ русскимъ всѣ несчастія, постигающія Сербію». (1)

Петръ Добрынецъ, пріидя къ Родофиникину 15-го августа, сказалъ, что Милое набралъ бродягъ по приказанію Чернаго-Георгія, который на дняхъ прибудетъ въ Бѣлградъ, и «намѣреніе его, внушенное Мла-

(1) Родофиникинъ кн. Прозоровскому, отъ 7-го августа 1809.

деномъ и Милое, состоитъ въ томъ, чтобы схватить весь мой домъ, писалъ Родофиникинъ, предложить насъ Туркамъ яко виновниковъ продолженія бунта Сербскаго» (1). Поэтому Добрынецъ сильно настаивалъ на томъ, чтобы Родофиникинъ, со свитою, бѣжалъ въ Порѣчье.

Родофиникинъ немедленно это и исполнилъ, а оттуда, сопровождаемый Петромъ Добрынцемъ, переѣхалъ Дунай на лодкѣ, въ Панчево, на австрійской границѣ.

Черный-Георгій, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Бѣлградъ, въ ночь на 16-е августа и съ шайкою набранныхъ Милое бродягъ напалъ на квартиру, которую занималъ Родофиникинъ, — «гдѣ, не найдя меня, доносилъ послѣдній, вдался въ неописанную ярость и приказалъ разграбить все въ домъ», но архимандритъ Филиповичъ убѣдилъ Чернаго-Георгія ничего не трогать».

Находясь уже внѣ опасности, Родофиникинъ 16-го августа писалъ Черному-Георгію изъ Панчева: «Умысль, который составили Милое и компанія противу моей жизни, заставилъ меня оставить Бѣлградъ. Все несчастіе народа, который ни въ чемъ не виноватъ, происходитъ отъ слѣпой вѣры, которую вы дали Младену и Милое.

Того же 16-го августа, Родофиникинъ писалъ сербскимъ старшинамъ: «злой умысль, собственно противу моей жизни и всѣхъ чиновниковъ при мисіи моей находящихся, существуетъ. Источникъ сего существованія есть глупость и, такъ сказать полная слѣпота трехъ или четырехъ старѣйшинъ, бывшихъ всегда виновниками всѣхъ неустройствъ въ Сербіи и ищущихъ теперь спасти себя истребленіемъ блистателей благоденствія сербскаго народа. Тѣ особы вамъ извѣстны. Я рѣшился удалиться отсюда въ Валахію. Васъ же не токмо прошу, но заклинаю всѣмъ тѣмъ, что есть свято, употребить всѣ ваши усилія къ содѣйствию вашему вождю, Черному-Георгію. Еще нѣсколько времени удержитесь, и Сербія спасена. Побѣдоносное оружіе російское преслѣдуетъ турковъ на правомъ берегу Дуная; если достигнетъ визиря, истребитъ армію его въ чемъ нимаго на сомнѣваюсь,—тогда турецкая сила, васъ нынѣ тѣснящая, обратится вспять; тогда увидите разсѣянною всю тучу, вамъ нынѣ угрожающую».

Въ тотъ же день, Черный-Георгій писалъ Родофиникину: «Въ надеждѣ видѣть ваше превосходительство въ Бѣлградѣ и съ вами кое о чемъ переговорить, что должно дѣлать и устроить ради общаго добра, оставилъ я всѣ дѣла; но весьма удивительно было для меня, когда за-

(1) Родофиникинъ, отъ 22-го августа 1809 г. къ № 261-му. Архивъ мин. иностр. дѣлъ, кн. Багратіонъ.

сталъ я домъ вашъ пустъ. Задолго не могъ я дойти, чтобы то значило? Если отъ государя получили вы повелѣніе отойти, прошу васъ объявить мнѣ и прислать человѣка своего для забранія всего того, что въ домъ вашемъ осталось, ибо я не былъ бы радъ, чтобы вы могли пожаловаться въ Россіи, что сербы вамъ наималѣйшее озлобленіе сдѣлали. Но если не имѣете такого отъ двора вашего предписанія, то прошу васъ возвратиться въ Бѣлградъ, гдѣ будете мною и цѣлымъ народомъ почитаемы какъ и до сего»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Черный-Георгій писалъ и Добрыню, задавая ему вопросъ — неужели онъ измѣнилъ, и, если остался вѣренъ, то пусть возвращается назадъ.

«Я вамъ не измѣнилъ—отвѣчалъ 17-го августа Добрынецъ; да и до сихъ поръ, кажется, не былъ невѣрнымъ—сіе и Богу, и народу извѣстно. Соберите народъ и спросите его—измѣнилъ-ли Петръ при Каменицѣ и Делиградѣ? Измѣнники возлѣ васъ находятся, кои и васъ заслѣпили, и народъ въ гибель ввели. Пока Младенъ и Милое живы будутъ, я не прійду въ Сербію. Коль скоро узналъ я отъ Георгія Чижтели, что вы на умѣ имѣете вмѣстѣ съ Милоемъ, весь совѣтъ народа и г-на генерала (Родофиникина) убить, я, для избѣжанія такого несчастія взявъ генерала и моего совѣтника Юву Протича и переправился чрезъ Дунай. Я не утратился турецкихъ силъ, ни изъ другой какой причины ушелъ, но дабы избавить народъ отъ вѣщаго стыда и несчастія, въ которое его Младенъ и Милое повергли».

Въ это время, вмѣсто князя Прозоровскаго, умершаго 9-го августа, главнокомандующимъ дунайскою арміею былъ назначенъ князь Багратіонъ, къ которому Родофиникинъ и отправился, для личнаго доклада о сербскихъ дѣлахъ и о причинахъ, заставившихъ его оставить Сербію. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли также, въ качествѣ народныхъ депутатовъ, и представились 7-го сентября князю Багратіону Петръ Добрынецъ, совѣтникъ Ювъ Протичъ и секретарь Жавковичъ.

«Съ крайнимъ прискорбіемъ душевнымъ вижу я, что сербы дошли до гибельнаго и несчастнаго положенія, изъ коего извлечь ихъ крайне затруднительно,—писалъ князь Багратіонъ Родофиникину, отъ 7-го сентября 1809 г. Самъ комендантъ Добрынецъ признается, что главнѣйшею причиною сего несчастія суть внутреннія распри частныхъ начальниковъ, а особливо злые поступки Младена, Милое и нѣкоторыхъ другихъ изверговъ, которые, ища удовлетворенія корыстолюбивыхъ ихъ видовъ, пожертвовали на то своимъ отечествомъ, пролили невинную кровь собратіи своей и разорили нѣсколько сотъ тысячъ семействъ. Какъ-бы то ни было, сербовъ, ни подъ какимъ видомъ, повинуть

не должно, и сколько-бы гибельно ни было ихъ положеніе, тѣмъ наиболѣе надлежитъ обнаружить твердости, мужества и дѣятельности для приведенія дѣлъ ихъ въ прежнее положеніе, чего и самые интересы отечества нашего непремѣнно требуютъ» (1).

Чтобы сдѣлать возможное для безотлагательной помощи сербамъ, князь Багратионъ приказалъ отряду генераль-маіора Исаева спѣшить изъ Малой Валахіи для соединенія съ сербами; отправилъ къ нему также Родофиникина и сербскихъ депутатовъ, для обсужденія наилучшихъ мѣръ къ поддержанію сербовъ; выдалъ имъ на расходы 3000 червонцевъ, а коменданта Добрынца снабдилъ открытымъ листомъ на право собирать въ Малой Валахіи сербскихъ волонтеровъ, которы должны были дѣйствовать совмѣстно съ отрядомъ Исаева.

Сверхъ того, князь Багратионъ обѣщалъ, что, по приближеніи его арміи къ Рушцуку, оттуда будетъ отправленъ въ Сербію болѣе значительный отрядъ русскихъ войскъ.

Еще прежде, отъ 12-го августа, князь Багратионъ писалъ Родофиникину: «я поручаю вашему превосходительству увѣрить торжественнымъ образомъ, какъ верховнаго вождя, такъ и правительствующій совѣтъ народа сербскаго, что мнѣ не только пріятно будетъ доставлять имъ всю ту помощь и всѣ тѣ пособія денежныя, или другія, которыя отъ власти моей зависятъ; но что я въ священнѣйшую себѣ обязанность вмѣняю всѣми силами и съ крайнимъ напряженіемъ содѣйствовать къ основанію на вѣчныя времена, благоденствія сего храбраго единовѣрнаго намъ народа и къ пріобрѣтенію имъ совершенной его независимости отъ ига, его доселѣ угнетающаго».

Но раздраженный тѣмъ, что по сіе время русскія войска не приходили къ нему на помощь, Черный-Георгій «явно началъ говорить, что такъ какъ русскіе ихъ (сербовъ) покинули, то надлежитъ сербамъ искать другаго союза» (2).

Съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Петерсвардейнъ своего секретаря Евтича, для переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ по этому предмету. Спустя нѣкоторое время, два австрійскіе офицера, подъ предлогомъ закупки лошадей, прибыли въ Сербію для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Но рѣшаясь на такой важный шагъ, Черный-Георгій не могъ обойтись безъ народнаго совѣта, тѣмъ болѣе, что многіе воеводы и старѣйшины очень противились такому исходу дѣла. Поэтому пріѣхавшихъ австрійцевъ просили подождать въ Семендріи окончательнаго от-

(1) Архивъ мин. им. двора, Bagration, 1809 г.

(2) Дѣло В. уч. архива № 1352.

вѣта, который и послѣдовалъ въ отрицательномъ смыслѣ, такъ, какъ это было рѣшено на совѣтѣ.

Упрекъ, обращенный Чернымъ-Георгіемъ къ Россіи, былъ несправедливъ. Мы видѣли, что князь Прозоровскій могъ въ свое время поддержать сербовъ, въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, но не сдѣлалъ этого—и въ этомъ его вина. Но со времени перехода главной русской арміи за Дунай, нельзя уже было отправить въ помощь сербамъ ни одного лишняго солдата. Тѣмъ не менѣе, наступленіе на нижнемъ Дунаѣ, само собою, отразилось и на Сербіи, откуда турки вынуждены были вывести почти всѣ свои войска.

Пораженіе турокъ Багратиономъ при Фресинѣ и Расеватѣ, обезпечивъ Большую Валахію отъ опасности непріятельскаго вторженія, дало возможность усилить отрядъ Исаева I въ Малой Валахіи, и 7-го сентября князь Багратионъ приказалъ ему поддержать сербовъ. Вѣря князю Багратиону болѣе, чѣмъ князю Прозоровскому, который мало стѣснялся въ разговорахъ съ сербскими депутатами, и зная, что Родофиникинъ далеко не лестнаго былъ мнѣнія о сербскихъ порядкахъ, сербскій народный совѣтъ, чтобы парализовать дѣйствія Родофиникина, Петра Добрынца и другихъ представлявшихся новому главнокомандующему лицъ, отправилъ къ нему новую депутацію.

Посланные депутатами, Валасій Милевичъ и Михаилъ Груевичъ, подали князю Багратиону письмо, отъ имени сербскаго совѣта и Чернаго-Георгія, писанное отъ 9-го сентября 1809 года, въ которомъ и было сказано:

«Марательства, которыми г. Родофиникинъ старался и старается помрачить патріотизмъ, славу и честь верховнаго вождя нашего, истинно не дѣлаютъ ему никакой чести». Письмо же его, присланное уже изъ Австріи сербскому совѣту, «изобличаетъ его предъ пѣлымъ свѣтомъ, сколь злобно и безъ пощады несправедливо оскорбляетъ онъ народъ сербскій и вождя ихъ съ ехидническимъ злословіемъ своимъ».

Что же касается до Петра Добрынца и другихъ представлявшихся лицъ въ качествѣ сербскихъ депутатовъ, то объ нихъ въ письмѣ было сказано: «Относительно помянутыхъ сербскихъ чиновниковъ, отечество наше признаетъ ихъ быть бѣглецами и измѣнниками, которые, измѣнивъ своему, не могутъ служить вѣрно другому; и посему, в. с., именемъ народа сербскаго, яко депутаты онаго, всеижайше просимъ, не имѣть къ нимъ никакого довѣрія, въ случаѣ, если столь предерзскіе будутъ что нибудь просить именемъ народа».

Въ отвѣтѣ своемъ, отъ 13-го сентября, князь Багратионъ, выражая удивленіе по поводу жалобы на Родофиникина, будто-бы клеветав-

шаго на народъ, говоритъ, что, напротивъ того, — «всѣ его донесенія содержали только ходатайство объ удовлетвореніи разныхъ нуждъ и надобностей народа сербскаго». Что указанія на интриги частныхъ лицъ и ихъ злоупотребленія — «никогда не влекли за собою опороченія народа; напротивъ же того, онъ всегда ходатайствовалъ въ пользу народа».

Если Родофиникинъ оставилъ Бѣлградъ, то это потому, что турки были уже въ 8-ми часахъ пути отъ него, «а къ оборонѣ города не были взяты никакія мѣры».

Петра Добрыица и другихъ съ нимъ бывшихъ, въ качествѣ сербскихъ депутатовъ, «я нашелъ одушевленными любовью къ отечеству и преисполненными ревностнѣйшаго желанія извлечь соотечественниковъ своихъ изъ настоящаго гибельнаго положенія».

Поэтому, сказано въ письмѣ князя Багратиона, «когда верховный вождь и всѣ благомыслящіе члены совѣта народа сербскаго представлять мнѣ въ показаніяхъ ихъ явныя доказательства, тогда только могу я приступить къ какому либо разбирательству — «по жалобамъ на Родофиникина. Въ письмѣ же къ Родофиникину отъ того же 13-го сентября князь Багратионъ говоритъ, что съ сербскими депутатами «вообще должно обходиться какъ съ дѣтьми, и настоящія обстоятельства требуютъ того, чтобы мы ихъ лелѣяли».

Между тѣмъ турки на Моравѣ стали менѣе рѣшительны, какъ только князь Багратионъ перешелъ Дунай и разбилъ непріятеля при Расеватѣ. Миленко Стойковичъ охранялъ Порѣчье, не позволяя туркамъ занявшимъ Пожаровець, переправиться на лѣвый берегъ Моравы.

Но у Миленки истощились уже почти всѣ припасы, и потому долго держаться въ Порѣчѣ онъ не находилъ возможнымъ, если русскіе не снадутъ его. «Я и народъ, васъ безпрестанно, какъ спасителя своего, вспоминаемъ, и отъ васъ ожидаемъ спасенія», писалъ онъ генералу Исаеву, отъ 31-го августа.

14-го сентября Родофиникинъ прибылъ въ Краіовъ, къ отряду генерала Исаева, и тотчасъ же приступлено было къ обсужденію мѣръ для немедленнаго движенія, съ цѣлью подкрѣпить сербовъ. Въ общихъ чертахъ планъ дѣйствій Исаева состоялъ въ томъ, чтобы заготовить перевозочныя средства для переправы черезъ Дунай; взять Бирзу-Паланку, сильно укрѣпить и занять ее 1,000 сербовъ изъ отряда Миленко. Затѣмъ, отрядъ Исаева останется на лѣвомъ берегу Дуная, съ тѣмъ, чтобы, имѣя перевозочныя средства, переплыть на ту сторону рѣки, какъ только того потребуютъ обстоятельства. Тогда собрать къ своему отряду разбѣжавшихся по горамъ сербовъ и часть ихъ напра-

вить на правый берегъ Моравы, для обезпосоенія тыла стоявшихъ тамъ отъ Дебриграда до Дуная 15,000 турокъ, и тѣмъ заставить ихъ отказаться отъ покушеній перейти на лѣвый берегъ Моравы, для движенія къ Бѣлграду.

Въ сентябрѣ положеніе дѣлъ въ Сербіи состояло въ такомъ видѣ. Всѣ покушенія турокъ со стороны Дрины были отражены. Черный-Георгій и другіе сербскіе отряды были размѣщены по лѣвому берегу Моравы, вездѣ препятствуя туркамъ переходить на этотъ берегъ рѣки. Пожаровецъ и Пятку на Дунаѣ занимали отряды Гуманци и нишскаго пашей. Сверхъ того, на Моравѣ турки стояли въ Чуприі. Ожиданіе перехода за Дунай русской арміи удерживало ихъ отъ наступленія. Миленко поэтому писалъ 18-го сентября Родофиникину: «Если нѣкоторые поглавари наши и показали себя неблагодарными и васъ обидѣли, то потомки наши благословлять васъ будутъ и по смерти вашей надъ сотертымъ гроба вашего прахомъ надъ алтаремъ безсмертія свѣтлящую благодарность воздавать за благодѣянія ваши стануть».

Не такъ думалъ Черный-Георгій, который еще 4-го сентября, въ письмѣ генералу Исаеву, говоритъ: «Боже! дай, чтобы всѣ слезы сиротъ несчастныхъ и мученіе висѣли на томъ свѣтѣ на душѣ того, который довелъ насъ до сего. Нашъ покровитель и не вѣдаетъ о такомъ нашемъ мученіи. Проклята душа да будетъ того, кто воспыталъ придти намъ, показать нужды наши нашему покровителю; а все сіе сдѣлалъ намъ генералъ Родофиникинъ и проклятый фельдмаршалъ Прозоровскій. Суди его Богъ на томъ свѣтѣ за то, что насъ обманулъ и ввергъ въ гибель».

По поводу этихъ несправедливыхъ обвиненій Родофиникинъ отвѣчалъ Черному-Георгію, отъ 23-го сентября. Высказавъ лишнюю всякой вѣроятности мысль, будто-бы отъ Императора были скрыты нужды сербскаго народа, Родофиникинъ, въ опроверженіе этого, указываетъ на все то, что съ Высочайшаго соизволенія было сдѣлано для сербовъ, сколько имъ передано денегъ, пороха, свинца и проч. «Проклятіе, которое вы обращаете на покойнаго фельдмаршала, князя Прозоровскаго, и на меня нимаю меня не огорчаетъ, ибо долженъ вѣровать, что гнѣвъ Всевышняго постигнетъ тѣхъ, кои дѣйствительно были виновниками несчастія сербскаго народа. Я знаю и свидѣтельствую предъ цѣлымъ свѣтомъ, что вы желали истинно освобожденія сербскаго народа, но, къ несчастію, всю вашу довѣренность дали людямъ, которые, также не имѣя ни малѣйшаго понятія о дѣлахъ вообще и объ управленіи землею, обращали токмо все свое вниманіе на то, чтобы обогачаться, позволяя себѣ всѣ средства, къ тому ведущія. Я могу сказать положительно, что

всѣ бы дѣла Сербіи шли хорошо, еслибы дѣлали хотя малѣйшее вниманіе къ наставленіямъ, кои вамъ преподавалъ покойный генераль-фельдмаршалъ, какъ равно непрерывнымъ моимъ настояніямъ. Посмотримъ, что вы представляли: представляли Сербію, не въ примѣръ сильнѣе, нежели она есть; изъявляли желаніе продолжать войну съ турками, еслибы даже мы и миръ заключили, — поэтому князь Прозоровскій былъ вправѣ разсчитывать, что Сербія сама можетъ бороться въ настоящее время, когда главные силы турокъ будутъ отвлечены противъ его арміи. Это вошло въ планъ его дѣйствій, и Сербія дѣйствительно могла бы защищаться, еслибы главное командованіе надъ войсками не было отдано въ руки негодяевъ. Что же касается до того, будто-бы мы воспрепятствовали вамъ примириться съ турками, то положите руку на сердце ваше и признайтесь по совѣсти: было-ли сіе когда-либо и въ помышленіи вашемъ, чтобы съ ними мириться?»

По тому же поводу князь Багратіонъ писалъ Черному-Георгію, отъ 2-го октября: «Что о нуждахъ сербскаго народа было всегда доводимо до свѣдѣнія Государя, служить доказательствомъ все то, что по Его повелѣнію было сдѣлано для Сербіи. Я долженъ непремѣнно полагать, что тайные враги народа сербскаго, нанесшіе ему таковую пагубу, находятся посреди онаго. Почему первѣйшая обязанность ваша, яко правителей и старѣйшинъ сего храбраго и почтеннаго народа, состоитъ въ томъ, дабы устранить враговъ народа и отнять у нихъ способы ему вредить. Я имѣю достовѣрное свѣдѣніе, что верховный визирь, находясь въ Русукѣ, послалъ нарочныхъ чиновниковъ въ Видинъ, Плевну, Ловчу, Никополь, Ломъ и другія мѣста, дабы войска оттуда, сколь можно поспѣшнѣе, шли къ нему. Сіе должно неминуемо отвлечь силы турецкія изъ Сербіи. Съ моей стороны, исполняя священную для меня волю Всеавгустѣйшаго моего Монарха, я съ крайнею строгостью и точностью буду соблюдать данное мною обѣщаніе и всячески стараться стану споспѣшествовать къ основанію навсегда блаженства народа сербскаго». Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Багратіонъ отправилъ къ Черному-Георгію, чрезъ депутата Груевича, 10,000 піастровъ.

Успѣхъ князя Багратіона на Дунаѣ дѣйствительно заставили визиря вызвать свои войска изъ Сербіи. Это приказаніе пришло въ то самое время, когда турки, чтобы покончить съ сербами, 16-го сентября предприняли общее наступленіе на лѣвый берегъ Моравы, окончившееся полнымъ пораженіемъ турокъ. Вслѣдъ затѣмъ началось общее отступленіе турокъ изъ Сербіи, такъ что въ среднихъ числахъ октября вся Сербія была уже свободна отъ турокъ, занявшихъ внѣ ея восточныхъ предѣловъ только наблюдательную линію между Нишемъ и Лесковацемъ.

Большая часть выступившихъ изъ Сербіи турецкихъ войскъ направилась къ Рушуку, въ армию визиря, а не малая часть разбѣжалась по домамъ.

Сербія вздохнула свободно. Она была спасена отъ врага виѣшняго, но внутренній врагъ существовалъ съ прежней силой. Напротивъ того, по минованіи опасности нужно было ожидать, что козни интригановъ возникнуть съ новою силой. Такъ и случилось.

Черный-Георгій въ началѣ октября намѣревался собрать въ Гасанъ-Пашинской Паланкѣ общій народный совѣтъ, на которомъ хотѣлъ обсудить мѣры для дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ сущности совѣтъ этотъ имѣлъ цѣлью избавиться отъ тѣхъ немногихъ личностей, которыя явно порицали Младена и Милое и называли ихъ измѣнниками. Измѣна дѣйствительно существовала. Младенъ и Милое, всегда пагубно вліявшіе на Чернаго-Георгія, снова убѣждали его, что нечего рассчитывать на Россію, а нужно искать покровительства Австріи. Съ этою цѣлью Черный-Георгій, какъ уже было сказано, и какъ увѣдомлялъ Миленко Стойковичъ Родофиникина, отъ 8-го октября, изъ Порѣчьдъ, «послалъ своего секретаря, Стефана Евтича, въ Цесарію, въ Петерсвардейнъ, къ тамошнему губернатору, уговоривъ ради и присоединенія Сербіи къ австрійскимъ владѣніямъ» (1).

Понятно, что всѣ честные патріоты были сильно возмущены такою попыткою. Отъ нихъ-то интриганы и желали избавиться. Черный-Георгій поручилъ убить Миленко, намѣреваясь передать его постъ въ Порѣчьѣ другому. Друзья Миленко предупредили его объ этомъ и дали возможность принять предосторожности. Тогда Черный-Георгій приказалъ Миленко спѣшить въ Бѣлградъ, для участія въ предполагавшемся общемъ народномъ собраніи въ Паланкѣ.

«Нѣсколько дней назадъ, — отвѣчалъ на это приказаніе Миленко письмомъ отъ 6-го октября 1809 года, — писали вы здѣшнимъ новымъ комендантамъ, чтобы меня убили здѣсь въ Порѣчьѣ. Благодареніе милостивому Провидѣнію, что спасло меня. Что же бы со мною послѣдовало, ежели бы я пошелъ между тѣхъ, кои посягаютъ и на вашу голову, не боясь ни Бога, ни людей!.. Пощадили-ли бы они меня? Господарю! Не награждаются такъ вѣрные сыны отечества. Но зло — зломъ, а добро — добромъ. Пока будете вы слушаться тѣхъ, коихъ до сего вы слушались и съ ними совѣтывались, и доколѣ ихъ не истребите, долѣ ни на какой совѣтъ съ вами не приступлю и къ вамъ не приѣду. Справедливое дѣло написано на сердцѣ всякаго добраго патріота. Оправ-

(1) Архивъ мин. иностр. дѣлъ. Князь Багратионъ, 1809 г., № 278.

даніе ему не нужно». Снова повторился тотъ же фактъ, какъ и прежде: какъ только сербское правительство стало отклоняться отъ Россіи и склоняться на сторону Австріи, оно потеряло довѣріе народа. Вездѣ стали говорить, что не будутъ болѣе воевать если имъ не будутъ управлять русскія власти. Становилось необходимымъ ввести въ Сербію русскія войска, чтобы устроить тамъ дѣла, пока наступившее бездѣйствіе главныхъ силъ на Дунаѣ давало къ тому возможность.

«Теперь занимаюсь я обстоятельнымъ образомъ образованіемъ плана для произведенія въ дѣйство моего намѣренія—дать сербамъ дѣятельное пособіе», писалъ князь Багратіонъ графу Румянцеву, отъ 23-го октября 1809 года.

Такимъ образомъ, сербское правительство не въ силахъ было идти противъ воли народа, и попытка Чернаго-Георгія искать поддержки въ Австріи снова не удалась. Это побудило послѣднюю запретить ввозъ всѣхъ австрійскихъ товаровъ въ Сербію, чтобы заставить ее почувствовать свое значеніе. Но мѣра эта только еще болѣе влекла сербскій народъ къ Россіи. Партія патріотовъ, къ которой принадлежали всѣ старѣйшины народа и выдающіеся сербскіе дѣятели, твердо держались Россіи. Въ числу такихъ лицъ принадлежалъ не разъ уже заявившій свою преданность Россіи и черногорскій архимандритъ Филиповичъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ Сербіи, гдѣ онъ и находился во время войны.

Въ это время отступленіе князя Багратіона отъ Силистріи снова дало туркамъ возможность угрожать Сербіи. Въ концѣ ноября Рашид-паша отправилъ Черному-Георгію письмо съ предложеніемъ покориться, обѣщая всѣмъ участникамъ войны полное прощеніе султана. Въ противномъ случаѣ, снова грозилъ вторженіемъ въ Сербію. Въ письмѣ указывалось на тщетную надежду сербовъ получить помощь отъ русскихъ, которые вынуждены были снять осаду Силистріи и сами находятся въ полномъ отступленіи.

Черный-Георгій, потерявъ вѣру въ русскую помощь, готовъ былъ принять это предложеніе. Народъ былъ истощенъ войною, упалъ духомъ, не видя конца бѣдствіямъ и не получая ни отгуда помощи. На востокѣ снова стоитъ сильная турецкая армія; со стороны Босніи, на Дринѣ, готовится новое вторженіе. Запрещеніе Австріи ввозить въ Сербію хлѣбъ и другіе продукты, крайне необходимые, довершали бѣдственное положеніе края. Явилась сильная партія въ пользу отдѣльнаго замиренія съ Турціей. Нахіи Пожаровецкая, Рисавская и другія требовали мира. Но зная, что дѣло не можетъ быть рѣшено безъ народнаго собранія и вліянія лицъ, пользовавшихся наибольшимъ уваже-

ніемъ въ странѣ, Черный-Георгій не рѣшился лично начать переговоры съ Рашидь-пашою и представилъ вопросъ на рѣшеніе собранія въ Паланкѣ. Собраніе это открылось 23-го ноября. На немъ участвовали почти всѣ вожди и старѣйшины сербскаго народа. Прежде всего собраніе рѣшило изгнать изъ Сербіи Младена и Милое, которые выставлялись какъ злѣйшіе враги Сербіи. Черный-Георгій противъ воли долженъ былъ уступить. На томъ же собраніи было рѣшено: избрать представителями сербскаго народа Милена Обреновича, архимандрита Милентія и Петра Добрынца, съ тѣмъ, чтобы они отравились просить Россію: 1) о помощи войсками; 2) принять Сербію подъ свое управленіе; 3) возвратить въ Сербію Родофиникина и 4) учредить комисію для разъясненія положенія дѣлъ въ Сербіи. Въ то же время главными членами народнаго совѣта были назначены: архимандритъ Менадовичъ, Добрынецъ и Обреновичъ. Русская партія въ Сербіи окончательно восторжествовала.

20-го декабря избранные собраніемъ въ Паланкѣ сербскіе депутаты представили князю Багратиону, въ Гирсово, просьбу слѣдующаго содержанія: «Объявивъ о рѣшеніи народномъ исключить на вѣки отъ дѣлъ народныхъ домашнихъ нашихъ враговъ Младена и Милое, ибо они были главною причиною нашего несчастія, сербы просятъ: 1) прислать имъ скорѣйшую помощь войсками; 2) снабдить военными припасами; 3) если невозможно, какъ намъ то объясняетъ г. Родофиникинъ, принять насъ подъ совершенное управленіе Всеавгустѣйшаго нашего покровителя, то не забыть Сербіи и содѣлать ее счастливою при заключеніи мира и во время переговоровъ о немъ, дозволить сербскимъ депутатамъ присутствовать для разныхъ объясненій по дѣламъ Сербіи; 4) поелику мы всѣ поглаваря и самъ предводитель народный неграмотны и просты, говорили депутаты, то, если окажутся какія-либо письма отъ имени сербскаго народа въ другія гоеударства, то таковыя письма дабы ничтожны были и не значущи; 5) занять Бѣлградъ русскимъ гарнизономъ; 6) сербы изъявляютъ полную готовность дѣйствовать совокупно съ русскими и безусловно повиноваться вождь Императора Россіи (1).

«Во всѣхъ моихъ разговорахъ съ сербскими депутатами, пишетъ князь Багратионъ графу Румянцеву, старался я внушить и дать имъ уразумѣть, что одно покровительство Его Императорскаго Величества избавило ихъ отъ совершеннаго порабощенія, коему Сербія подвергалась неоднократно и особливо въ прошедшую кампанію; лишеніе же того

(1) Bagration, 1809 г. Архивъ мин. иностр. дѣлъ, № 309.

покровительства неминуемо повлечетъ за собою несчастіе и погибель Сербіи».

Таковыми же мыслями были проникнуты не только сербскіе депутаты, но и всѣ лучшіе патриоты страны. Не смотря на громадное вліяніе Младена и Милое на Чернаго-Георгія, который то поддавался ихъ внушеніямъ и искалъ сближенія съ Австріей, то, побуждаемый Родофинкинымъ, Добрынцемъ, Миленко и другими патриотами, твердо держался Россіи,—народъ сербскій вѣрилъ только русскому Царю и питалъ ненависть къ Австріи. Всякій разъ, когда русская помощь не могла быть въ-время подана, Черный-Георгій начиналъ колебаться, сносился съ австрійцами и тѣмъ вызывалъ въ Сербіи борьбу партій. Партія патриотовъ или приверженцевъ Россіи не мирилась съ мыслью о возможности сойтись съ вѣнскимъ дворомъ, приписывая ему корыстныя цѣли и посягательство на независимость страны. Поэтому патриоты составляли заговоры даже противъ личности самого Чернаго-Георгія, съ намѣреніемъ отъ него избавиться и лишить его власти. «Если ему любы нѣмцы, говорили они, то и шель бы къ нимъ. а мы знаемъ только русскаго Царя».

Въ свою очередь интриганы Милое и Младенъ, мечтавшіе о возможности, въ случаѣ паденія Чернаго-Георгія, захватить его власть, умѣли пользоваться возникавшимъ противъ него неудовольствіемъ патриотовъ, неудовольствіемъ, являвшимся какъ результатъ ихъ же внушеній, дѣлаемыхъ Черному-Георгію.

Къ чести послѣдняго нужно сказать, что онъ хотя и не былъ устойчивъ въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, но имѣлъ въ виду, прежде всего, благо Сербіи. Онъ тяготѣлъ то къ Россіи, то къ Австріи, смотря по тому, откуда надѣялся получить скорѣйшую помощь. Убѣдившись, что Австрія не другъ Сербіи, а играетъ роль ростовщика, предлагающаго свои услуги въ критическую минуту, съ тѣмъ, чтобы возвратить свое сторицею,—Черный-Георгій понялъ, наконецъ, что благо его страны зиждется только на безкорыстной политикѣ родственной ей Россіи. Только благодаря установившейся, наконецъ, вѣрѣ въ Россію, Черный-Георгій въ тяжкія лично для него минуты находилъ прочную опору въ русскомъ правительствѣ и вскорѣ достигъ полного самодержавія въ странѣ, заставивъ преклониться предъ собою враговъ, искавшихъ его гибели и изгнанныхъ изъ предѣловъ Сербіи. Къ числу послѣднихъ принадлежали, къ сожалѣнію, и доблестные бойцы за свободу, Петръ Добрынецъ и Миленко Стойковичъ, у которыхъ было слишкомъ много старыхъ счетовъ съ Чернымъ-Георгіемъ, чтобы они могли

забыть ихъ. Оба они нашли радушный приемъ въ Россіи. Политическая борьба уносить свои жертвы...

Размѣры журнальной статьи не позволяютъ изложить участіе Россіи въ борьбѣ Сербіи за ея независимость въ 1810—1812 г. и изобразить его съ тѣми же подробностями, какъ это сдѣлано за время съ 1806—1809 г. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ и особенной важности. Политика Россіи осталась та же, которая проявлялась ею съ самаго начала настоящей войны, и которая, какъ мнѣ кажется, достаточно обрисована въ предыдущихъ очеркахъ. Поэтому мы укажемъ здѣсь только на главные факты, свидѣтельствующіе о томъ безкорыстїи и любви къ сербскому народу, которая проявила Россія для блага Сербіи.

По отбытіи князя Багратіона изъ арміи, преемникъ его, графъ Каменскій 2-й, рѣзко измѣнилъ планъ своего предшественника для кампаніи 1810 года, и потому, только въ маѣ этого года, онъ счелъ возможнымъ отправить на соединеніе съ сербами отрядъ графа Цукато, силою до 3,000 человекъ. Отрядъ этотъ соединился, у Гогоша, въ началѣ іюля, съ 6,000 сербовъ, подъ начальствомъ Петра Добрыни.

Соединенные отряды обложили Кладово, Бирза-Паланку и Дуду. Турки выслали сильное подкрѣпленіе изъ Прагова для освобожденія защитниковъ Дуду. Графъ Цукато, послѣ жаркаго боя, разбилъ подкрѣпленіе и взялъ Дуду 14-го іюня. Послѣ этого онъ располагалъ всѣми операціями въ Сербіи, и его слушалъ самъ Черный Георгій. Сербы осаждали, но безъ успѣха, Бирза Паланку, Кладово, защищали Делиградъ, причеиъ отовсюду просили графа Цукато подкрѣпить ихъ. Прибытіе русскихъ войскъ, дѣйствительно, всегда способствовало успѣхамъ сербовъ.

Самъ графъ Цукато осадилъ Прагово и послѣ долгихъ усилій взялъ его 7-го сентября.

Взятіе Прагова замедлилось тѣмъ, что графъ Цукато долженъ былъ ослаблять свои войска отправленіемъ подкрѣпленій къ сербамъ. Черный-Георгій, защищая Делиградъ, молилъ о помощи. Ему былъ посланъ отрядъ графа Орурка, который, по пути слѣдованія къ Делиграду, взялъ штурмомъ очень важный въ стратегическомъ отношеніи укрѣпленный пунктъ Бани, 22-го августа.

Въ это время 15,000-ная турецкая армія стояла не далеко отъ Делиграда, у Варварина. Это были главныя силы турокъ. Графъ Оруркъ, соединясь съ Чернымъ-Георгіемъ, двинулся къ Варварину обходнымъ путемъ, чрезъ Ясину. Турки, не знавшіе о прибытіи русскаго отряда

въ Черному-Георгію, атаковали его у Ясина 26-го августа и были разбиты. Послѣдствіемъ этого пораженія была сдача Кладова 2-го сентября. Затѣмъ, произошелъ генеральный бой у Варварина 10-го сентября. Графъ Оруркъ руководилъ боемъ и нанесъ туркамъ рѣшительное пораженіе.

Прибывшій вскорѣ въ Сербію съ новыми подкрѣпленіями генералъ Засъ принялъ начальство надъ всеми бывшими тамъ русскими войсками, осадилъ Бредово, угрожалъ Видину и Нишу. Вообще, въ 1810 г., дѣла въ Сербіи шли блистательно и высоко подняли тамъ русское имя. Русскіе зимовали въ Кладовѣ и Неготинѣ.

Кампанія 1811 года началась готовившимся наступленіемъ турокъ отъ Ниша. Сербскій отрядъ, совместно съ русскимъ, полковника Полторацкаго, нанесъ непріятелю сильное пораженіе въ октябрѣ мѣсяцѣ. «Не могу умолчать, — доносилъ Черному-Георгію начальникъ сербскихъ войскъ, отъ 11-го октября, — о храбрости и неустрашимости російскаго баталіона и благоразумномъ распоряженіи, а особливо отличной храбрости полковника Полторацкаго, который намъ способствовалъ совершенно разбить и прогнать непріятеля, притомъ способствовалъ онъ намъ много своими совѣтами».

Народъ ликовалъ въ Бѣлградѣ и служилъ благодарственные молебны за одержанныя побѣды. Черногорскій митрополитъ Петръ Петровичъ писалъ Черному-Георгію, что онъ слышалъ отъ турокъ, что побѣда при Нишѣ «ихъ въ сердце колетъ». Все славянскіе народы высоко чтили русское имя. Особенною же популярностью пользовался графъ Оруркъ, котораго сербы сравнивали «съ великимъ Суворовымъ», называли *витяземъ* и *юнакомъ* (молодцомъ) и шли подъ его начальствомъ *въ огонь и въ воду* (1).

Наступилъ роковой для Россіи 1812 годъ. Россія заключила миръ съ Турціей. Все войско съ Дуная и изъ Сербіи направлены для отраженія нашествія Наполеона. Какъ ни печально это было для сербовъ, но они понимали силу необходимости и были благодарны за прошлое. 16-го августа, въ монастырѣ Вратевистницѣ, Черный-Георгій и все старѣйшины подписали адресъ на имя русскаго Императора, въ которомъ было сказано: «Сербія и народъ сербскій, помня безчисленныя благодѣянія къ нимъ Россіи, симъ общаются и обязуются во все вѣка остаться вѣрными и приверженными, и никогда ни въ чемъ ей не изменять, ни словомъ, ни дѣломъ, ни вѣрою».

(1) Сербская записка. В.-уч. архивъ, въ № 1,354.

На это письмо Императоръ Александръ отвѣтилъ только въ январѣ 1813 года, по изгнаніи уже французовъ. «Россія Сербію не оставитъ, писалъ Александръ. Она ее избавитъ и возстановитъ еще лучше, какъ она была» (1).

Этотъ «вѣчный и всеважнѣйшій для Сербіи документъ» хранится фамиліей Чернаго-Георгія.

Хотя Сербія, предоставленная съ 1812 года самой себѣ, подверглась тяжкимъ испытаніямъ отъ турокъ, но тотчасъ же, по окончаніи войны съ Наполеономъ, въ 1815 году, заступничество Россіи снова спасло Сербію.

А. Петровъ.

(1) Тамъ же.